

<https://doi.org/10.30853/pedagogy.2018-2.7>

Помелов Владимир Борисович

Л. Н. ТОЛСТОЙ: "ДЕТИ СМОТРЯТ НА ВОСПИТАТЕЛЯ НЕ КАК НА РАЗУМ, А КАК НА ЧЕЛОВЕКА" (К 190-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПЕДАГОГА)

В статье характеризуются педагогические воззрения великого русского мыслителя, писателя и общественного деятеля Л. Н. Толстого (1828-1910). Выделены основные этапы его педагогической деятельности. Показан вклад Л. Н. Толстого в открытие школ в Крапивенском уезде. Проанализированы его взгляды как сторонника теории свободного воспитания. В статье прослеживается генетическая связь педагогических позиций Л. Н. Толстого и выдающихся европейских и российских педагогов. Дано описание работы школы, открытой им в селе Ясная Поляна. Приводятся выдержки из переписки Л. Н. Толстого с рядом корреспондентов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/4/2018/2/7.html

Источник

Педагогика. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(10) С. 32-37. ISSN 2500-0039.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/4.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/4/2018/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: pednauki@gramota.net

УДК 3.37.378

Дата поступления рукописи: 13.05.2018

<https://doi.org/10.30853/pedagogy.2018-2.7>

В статье характеризуются педагогические воззрения великого русского мыслителя, писателя и общественного деятеля Л. Н. Толстого (1828-1910). Выделены основные этапы его педагогической деятельности. Показан вклад Л. Н. Толстого в открытие школ в Крапивенском уезде. Проанализированы его взгляды как сторонника теории свободного воспитания. В статье прослеживается генетическая связь педагогических позиций Л. Н. Толстого и выдающихся европейских и российских педагогов. Дано описание работы школы, открытой им в селе Ясная Поляна. Приводятся выдержки из переписки Л. Н. Толстого с рядом корреспондентов.

Ключевые слова и фразы: Л. Н. Толстой; Яснополянская школа; «Азбука»; С. А. Рачинский; Ромен Роллан; образование народа.

Помелов Владимир Борисович, д. пед. н., профессор
Вятский государственный университет, г. Киров
vladimirpomelov@mail.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ: «ДЕТИ СМОТРЯТ НА ВОСПИТАТЕЛЯ НЕ КАК НА РАЗУМ, А КАК НА ЧЕЛОВЕКА» (К 190-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПЕДАГОГА)

Толстого более всего занимает самый психологический процесс, его формы, его законы, диалектика души.

Н. Г. Чернышевский

Великий русский писатель, мыслитель, публицист, общественный деятель Лев Николаевич Толстой (1828-1910) много сил и времени отдавал педагогике, детям, школе. Интерес к педагогической работе возник у молодого Толстого после оставления им в 1847 г. Казанского университета, где он изучал арабско-турецкую словесность. Истинное же образование, так ярко проявившееся в творческой деятельности Толстого, он получил путем самообразования. Великий гуманист, тонкий знаток детской души, Толстой обратил свои силы на то, чтобы «спасти тонущих будущих Пушкиных, Остроградских, Ломоносовых, которые кишат в каждой школе» [3, с. 147], и занялся обучением крестьянских ребятшек в Яснополянской школе.

Об этой школе (1849) имеются в материалах о Толстом лишь беглые упоминания. В 1857, 1860-1861 гг. он побывал в Германии, Франции, Швейцарии, Италии, и везде, где только мог, он посещал учебные заведения, приобретал педагогическую литературу, беседовал с видными педагогами. Заключение, к которым пришел Л. Н. Толстой, были сродни тем, к которым пришли К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов и другие русские педагоги того времени. Все они отмечали явственное участие государства в делах образования, педантичность, скрупулезность в соблюдении программы, национальный дух школы. И в то же время они не могли не заметить национальное чванство, телесные наказания, формализм и отвлеченность преподаваемого от реальных требований жизни. Особенно негативно отнесся Толстой к немецкой школе, по причине царивших там муштры, угнетения личности ребенка. После посещения школ в Германии он писал: «Все, что вы видите, – это скучающие лица детей, насильно вогнанных в училище, нетерпеливо ожидающих звонка и вместе с тем со страхом ожидающих вопроса учителя, делаемого для того, чтобы против воли принуждать детей следить за преподаванием» [12, с. 50]. Военная служба на Кавказе, участие в Крымской войне отвлекли его от мирных занятий, и к педагогической работе он вернулся лишь в 1859 г., когда открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей. В своем дневнике, в записи, датированной 11-23.07.1857 г., Толстой заметил: «Главное – сильно, явно пришло мне в голову завести у себя школу в деревне для всего околотка и целая деятельность в этом роде» [Цит. по: 4, с. 78].

Исследователями жизни и творчества Л. Н. Толстого его дальнейшая педагогическая деятельность обычно подразделяется на три этапа: первый – 1859-1862 гг., второй – 1870-1876 гг., третий – с конца 1880 г. и до конца жизни писателя. Первый период совпал со временем большого общественного подъема, вызванного отменой крепостного права. Свою педагогическую деятельность Толстой считал возвращением долга крестьянам. Обращаясь к образованным людям своего времени, он убеждал их в том, что «не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что мы знаем» [Цит. по: Там же, с. 79].

Главным путем разрешения задачи просвещения крестьян Л. Н. Толстой считал открытие школ в деревнях и селах. Он использовал свои возможности как мирового посредника (был утвержден им 23 июня 1861 г.) для открытия школ по всему Крапивенскому уезду. Всего было открыто при его содействии свыше двадцати школ. Родители вносили плату в размере 50-80 коп. в месяц. Толстой стремился изыскивать дополнительные средства для финансирования школ и улучшения материальных условий учителей, которых он, в основном, и пригласил, для чего писал письма своим друзьям и знакомым с просьбой рекомендовать ему для школ молодых учителей из числа студентов. К осени 1861 г. действовали Яснополянская, Головеньковская, Подосинская и несколько других школ, открытые при содействии Толстого. Работали они в соответствии с составленным им уставом, действовавшим на территории четвертого участка Крапивенского уезда. В уставе оговаривалась плата за обучение, включавшая первоначальный сбор для устройства школы и ежемесячную плату. Указывалось, что детей будут учить Закону Божьему, «правильному» письму, чтению гражданской и церковной печати, арифметике «на цифрах и счетах», «линейному» рисованию и церковному пению.

Предусматривалась и учеба взрослых учащихся. И таковые были. Правда, их учеба продолжалась обычно недолго: учитель был один и должен был уделять внимание в равной степени всем учащимся, а начинать то приходилось с азов. Взрослые же, обладая начатками грамотности, желали продолжать обучение, и из всех предметов их интересовали только арифметика и письмо. Вместо этого приходилось взрослому мужику проводить целый день среди детей.

В статье «О свободном возникновении и развитии школ в народе» [10] Толстой описывает распорядок дня, характер и содержание работы открытых им школ. В другой статье, «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» [16, с. 135], он сосредоточивает внимание на отображении собственного опыта по обучению крестьянских детей. В Яснополянской школе изучались следующие предметы: чтение механическое и постепенное, «писание», каллиграфия, грамматика, священная история, русская история, рисование, черчение, пение, математика, беседы из естественных наук и Закон Божий. Всего 12 предметов, что было немало для начальной школы. Учителей, помимо самого Толстого, было четверо. Школа помещалась в двухэтажном каменном доме. Учеба начиналась с восьми и длилась в течение пяти-шести часов, а затем после обеда до вечера.

Л. Н. Толстой был сторонником свободного воспитания. «Критериум педагогики только один – свобода» [Цит. по: 3, с. 150], – заявлял он. С Ж.-Ж. Руссо, справедливо считающимся основоположником этого направления в педагогике, его роднили безграничная вера в возможности ребенка, стремление не ограничивать его свободу. Но у Руссо сам путь получения его Эмилем образования и воспитания (главным образом посредством «педагогической робинзонады» и метода «естественных последствий») выглядит утопическим; многие примеры явно придуманы и не имеют ничего общего с реальной жизнью [5, с. 207]. Руссо разбудил умы, подвиг их к размышлению о сущности детской природы, но обучать и воспитывать «по Руссо», целостно применять его идеи просто невозможно. Руссо написал роман о воспитании. Толстой же описывал личный и своих единомышленников фактический учительский опыт и крепко стоял на реалистических основаниях в педагогической деятельности.

Л. Н. Толстого иногда представляют ниспровергателем педагогических традиций, нигилистом, выбравшим путь оригинальный, оправдывавший себя в Яснополянской школе, но практически неприменимый в других условиях. Однако анализ творчества Толстого показывает, что он тщательно изучал педагогическое наследие своих именитых предшественников. В его работах постоянны ссылки на Руссо, Песталоцци и др., а, например, с Дистервегом он был лично знаком. Внимательно следил Толстой за творчеством российских педагогов, подробно анализировал методические работы Н. Ф. Бунакова и математика В. А. Евтушевского [9]. С Я. А. Коменским Толстого роднит стремление к природосообразности. Но если Коменский понимал природосообразность как необходимость следования природе вещей [1, с. 16-17], то Толстой исходил из природы детей. Не детей нужно приспособлять к особенностям учебного предмета, а наоборот, следует строить обучение, исходя из особенностей детской природы. Поэтому у Толстого дети в класс ничего не несут – ни книг, ни тетрадок. Никакого урока, ничего сделанного ребенок не обязан помнить. Поэтому его не мучает мысль о предстоящем уроке. Он не боится школы и несет в класс только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера. Он вообще не думает об уроках до их начала.

Л. Н. Толстой умел заинтересовывать детей, пробуждать в них творчество, мыслительные способности. Характерными чертами педагогики Толстого являются также его беззаветное увлечение педагогической работой, неустанные педагогические искания. Он считал, что каждая школа должна быть творческой педагогической лабораторией.

В школе Толстого занятия строились в форме свободных бесед учителя с детьми. Какие бы то ни было наказания и взыскания отсутствовали. Твердого расписания занятий не было. «По расписанию до обеда значится четыре урока, а выходит иногда три или два, и иногда совсем другие предметы. Иногда увлекутся учителя и ученики, и вместо одного часа класс продолжается три часа. Бывает, что ученики сами кричат: “Нет, еще – еще!” и кричат на тех, которым надоело: “Надоело, так и ступай к маленьким”, – говорят они презрительно» [16, с. 137]. Дети не обязаны были ежедневно посещать школу, тем не менее они охотно приходили в нее и настолько заинтересовывались учебой, что им зачастую приходилось напоминать, что пора по домам. В первой половине дня обычно были арифметика и письмо. Вечерние уроки имели «совершенно особенный от утренних характер спокойствия, мечтательности и поэтичности» [Там же, с. 142]. Это были преимущественно устные занятия – рассказы учителя. Затем по группам, которые сложились в классе, дети пересказывали услышанное друг другу.

Насидевшись в помещении, дети хотят на воздух. Если И. Ф. Герbart призывал «укрощать дикую резвость» через наказание [Цит. по: 2, с. 79], то Л. Н. Толстой организовал мастерскую. В его школе были также «бары» и «рек» (т.е. брусья и перекладина) для физических упражнений. Дети имели возможность вдоволь набегаться, сбросить избыток сил. Толстой был убежден, что при правильно поставленном обучении порядок и дисциплина образуются сами собой, и дети чувствуют эту потребность порядка. Насилие со стороны учителя употребляется вследствие поспешности и недостатка уважения к детской природе. Нужно пождать, и порядок образуется естественным образом, сам по себе.

Большое значение в нравственном, культурном развитии детей имели прогулки с учителем, с самим Львом Николаевичем. Обычно они происходили после уроков, когда педагог провожал детей домой. Толстой стремился, насколько это представлялось возможным, вывести детей из окружавших их в семье нищеты, разврата, грубости. Он понимал, что даже честные, добрые, либерально настроенные люди могут ему это поставить в вину, скажут: «Нехорошо! Зачем усиленно развивать их? Зачем давать им чувства и понятия, которые враждебно поставят их в своей среде? Зачем выводить их из своего быта? Хорошо будет устройство государства, когда все захотят быть мыслителями и художниками, а работать никто не станет!» [16, с. 148-149].

Отвечая своим оппонентам, Толстой говорил, что крестьянскому ребенку «нужно то, до чего довела вас ваша жизнь, ваших десяти незанятых работой поколений. Вы имели досуг писать, думать, страдать, – дайте же ему то, что вы выстрадали» [Там же, с. 149]. Дети должны быть введены в мир литературы, искусства, возвышенных чувств. Толстой укорял образованное общество: «Федька не тяготится своим оборванным кафтанешком, но нравственные вопросы и сомнения мучат Федьку, а вы хотите дать ему 3 рубля, катехизис и историйку о том, как работа и смирение, которых вы сами терпеть не можете, одни полезны для человека» [Там же].

Яснополянская школа была своего рода творческой лабораторией Л. Н. Толстого, в которой он опробовал различные методы обучения детей. В статье «Яснополянская школа...», которая является, можно сказать, программной, он подробнейшим образом раскрывает характер работы – своей и других педагогов – с детьми, показывает особенности преподавания различных предметов – от чтения и арифметики до пения и рисования.

О пении и рисовании скажем особо. Толстого снова мучают сомнения и он задает себе вопрос: полезно ли будет для крестьянских детей, поставленных в необходимость прожить всю жизнь в заботах о насущном хлебе, обучение искусству? Девяносто девять из ста на этот вопрос ответят отрицательно: им не быть художниками, им придется пахать. Но в то же время, считает Толстой, мы не вправе лишать крестьянских ребят права наслаждения искусством.

Л. Н. Толстой относился исключительно серьезно к своей педагогической работе. Он вел дневник школы [7], много размышлял над общими проблемами воспитания и образования, пытаясь дать точное определение основным педагогическим понятиям [6]. Анализ собственной учительской работы, разбор уроков своих коллег, раздумья и размышления привели Л. Н. Толстого к совершенно определенным выводам относительно того, почему учение так тяжело дается ученикам, почему, проучившись несколько лет в школе, они едва разбирают буквы, не в состоянии на практике применить знания по арифметике и письму.

Главную ошибку педагогов он видел в том, что учитель всегда невольно стремится к тому, чтобы выбрать самый удобный для себя способ преподавания. Чем способ преподавания удобнее для учителя, тем он неудобнее для учеников. «Только тот образ преподавания верен, которым довольны ученики», – это положение Л. Н. Толстой считал своего рода законом. Вслед за Ж.-Ж. Руссо Л. Н. Толстой считал, что человек рождается совершенным; новорожденный представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра. Детям нужен только материал для того, чтобы развиваться гармонически и всесторонне. «Как только я дал полную свободу, перестал учить его, он написал такое поэтическое произведение, которому подобного не было в русской литературе» [8, с. 288].

Действительно, Л. Н. Толстой приводит в своей статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862) образец хорошего детского сочинения, подробно анализирует его и исключительно высоко его оценивает. Мы не можем не отметить того, что великий гуманист чересчур идеализировал детскую природу и, по существу, сам себе противоречил: употребляя все свои силы на то, чтобы отыскать наиболее приемлемые методы и приемы обучения, талантливо их применяя и описывая в своих статьях, он в то же самое время заявлял, что учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно. Вот и в статье «Кому у кого учиться...» он приводит ряд таких приемов, как например, иногда во время рассматривания детских сочинений не делать ученикам замечаний ни об опрятности тетрадей, ни о каллиграфии, ни об орфографии, ни, главное, о постройке предложения и о логике. Не может не вызвать сомнения и совет «давать читать детям детские сочинения и только детские сочинения предлагать за образцы, ибо детские сочинения всегда справедливее, изящнее и нравственнее сочинений взрослых» [Там же].

Нетрудно предположить, что последовательная реализация этого требования привела бы к тому, что учащиеся перестали бы расти, «заиклились» бы на «детских образцах». Следующий прием, предлагаемый Л. Н. Толстым, также противоречит вышеуказанному тезису: «Предлагать самый большой и разнообразный выбор тем, не выдумывая их собственно для детей, но предлагать темы самые серьезные и *интересующие самого учителя* (выделено нами. – В. П.)» [Там же]. Но «самого учителя» – взрослого человека – наверняка не заинтересуют «детские сочинения и только детские сочинения», если, конечно, этот учитель сам не остановился в умственном развитии еще в детском возрасте.

Свои педагогические взгляды Л. Н. Толстой излагал в издававшемся в 1862 г. на его средства ежемесячном педагогическом журнале «Ясная Поляна». Каждый номер журнала состоял фактически из двух книжек (выпусков): в первой печатались научные статьи, во второй – рассказы для детей, в основном, принадлежавшие перу самого Толстого. В качестве эпиграфа к журналу он взял слова «Думаешь подвинуть, а тебя самого толкают веред». Всего вышло 12 номеров журнала.

Несмотря на лестные отзывы во многих педагогических изданиях Толстой прекратил его выпуск. Причины для такого решения было несколько. Ведущие педагогические журналы – «Учитель» и «Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП)», – неприязненно относились к педагогической деятельности Л. Н. Толстого, предпочитали замалчивание. Негативный отзыв на своих страницах поместил «Современник» Н. Г. Чернышевского. При издании каждого номера возникали бесконечные цензурные придирки. Кроме того, как раз в это время Толстой женился, начал работу над эпопеей «Война и мир»... И обыск – наглый и бесцеремонный – в отсутствие Льва Николаевича, который в мае 1862 г. выехал в Самарскую губернию, в башкирские кочевья для лечения кумысом. Жандармы искали подпольную типографию, нелегальную литературу, но ничего, естественно, не нашли. Разумеется, под подозрением был не сам Толстой, а приглашенные им студенты – учителя школы. Но Толстой воспринял это как личное оскорбление, ведь во время обыска жандармы подняли его личную переписку, читали его дневник и письма, не предназначенные

для постороннего глаза. В письме к своей родственнице он писал: «Народ смотрит на меня уж не как на честного человека, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся. “Что, брат? попался! будет тебе толковать нам о честности, справедливости, самого чуть не заковали”. О помещиках, что и говорить. Это стон восторга» [11, с. 481-482].

Кончилось тем, что в 1862 г. Толстой прекратил работу в школе. Однако после завершения работы над романом «Война и мир» он снова стал уделять внимание вопросам образования и воспитания. В этот период своей педагогической деятельности (1870-1876) Толстой составляет «Азбуку». Она представляла собой комплекс из четырех учебных книг для первоначального обучения детей чтению, письму, грамматике и арифметике. В первой книге была азбука как таковая, в последующих книгах в форме рассказов содержались сведения по естествознанию, географии, физике, истории, арифметике, русскому языку. Рассказы постепенно усложнялись по мере овладения детьми навыками чтения, письма и счета. Л. Н. Толстой с нетерпением ожидал отклики на свои пособия. Педагогическая общественность отмечала выдающиеся достоинства рассказов для детей. Что же касается собственно методов обучения грамоте и арифметике, то здесь отзывы были в основном отрицательные, а Министерство народного просвещения (МНП) даже отказалось рекомендовать «Азбуку» для школ. Это побудило педагога написать «Новую Азбуку» (1875), которая кардинально отличалась от первого пособия и была самостоятельной учебной книгой. Остальные части «старой» «Азбуки» также были переработаны в отдельные учебники – «Арифметику» и «Русские книги для чтения». Эти пособия, особенно «Новая Азбука», получили широкое признание и были одобрены как рядовыми учителями и учеными-педагогами, так и МНП.

Л. Н. Толстой возобновил занятия с крестьянскими детьми. Школа была не только его творческой лабораторией, в которой он опробовал свои методы обучения, но и душевной потребностью. В письме к С. А. Рачинскому от 5 апреля 1877 г. он писал: «Я не мог и не могу войти в школу, чтобы не испытать прямо физического беспокойства, как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского и как бы узнать, кому что нужно» [15, с. 495] (кстати, Сергей Александрович Рачинский (1833-1902) – ботаник, профессор Московского университета, был одним из самых уважаемых для Толстого людей. Рано уйдя в отставку, Рачинский стал сельским учителем. Его изобразил художник Н. Богданов-Бельский, ученик Рачинского, на известной картине «Урок счета» [3, с. 158]).

Дом Л. Н. Толстого периодически становился чем-то вроде педагогического клуба, куда съезжались на несколько дней учителя по 10-15 человек для обмена опытом и для того, чтобы послушать советы Толстого, позаниматься в его библиотеке. Л. Н. Толстой с сожалением отмечал, что уровень подготовленности работающих в школе учителей невысок. Поэтому он даже хотел организовать двухгодичные педагогические курсы или учительскую семинарию («университет в лаптях»). Он разработал «Правила для педагогических курсов», проделал большую подготовительную работу, получил разрешение министерства, но из-за крайне равнодушного отношения училищных советов и земских управ, направивших на обучение в общей сложности всего 12 учителей, мероприятие сорвалось и не получило дальнейшего развития. Как член училищного совета Крапивенской уездной управы, Толстой добился прибавки зарплаты учителям, проявлял заботу о снабжении школ необходимым инвентарем.

В Яснополянской школе обучение для детей было бесплатным. Почти все расходы по ее содержанию нес сам Л. Н. Толстой. Великий гуманист не считал свою деятельность чем-то вроде жертвоприношения, а только лишь возвращением части долгов народу. Во второй половине 1870-х гг. Толстого полностью захватила работа над романом «Анна Каренина», и он вновь отошел от практической и теоретической педагогической работы.

В 1874 г. Толстой выступил со статьей «О народном образовании», где выразил взгляды патриархального крестьянства на школу. Он высказался за создание в каждой деревне небольшой примитивной школы грамоты, где деревенские грамотеи могли бы обучать детей чтению, письму и счету за небольшую плату со стороны родителей детей. Размещаться такие школы могли бы в наемной избе, приспособленном сарае или даже по очереди на дому учащихся. При этом, по мнению Толстого, устранялась бы чиновничья опека над школами, организованными самим народом.

В то же время, очевидно, что в этом случае уровень начальной школы сильно снижался и обучение сводилось к уровню преподавания существовавших в России еще в XVI в. «мастеров грамоты» – дьячков, оставших солдат. Демократическая педагогическая печать, отдавая должное мотивам выдвижения этого проекта (необходимость всеобщего образования), отрицательно отнеслась к его предложению; взамен была выдвинута и осуществлена идея развития сети земских школ. Последний период педагогической деятельности Толстого (конец 1880-х – 1910) приходится на период, когда в мировоззрении писателя произошел коренной перелом. Жизнь людей его круга потеряла для него смысл. Единственно настоящим делом ему представлялось все то, что связано с жизнью трудящихся.

Характерно в этом отношении его письмо к Ромену Роллану от 3-4 октября 1887 г. Молодой французский писатель спрашивал Толстого, почему он считает ручной труд одним из существенных условий истинного счастья и нужно ли добровольно лишать себя умственной деятельности, занятий науками и искусствами, которые казались Роллану несоместимыми с ручным трудом. Главный недостаток современного общества, объяснял свою позицию Л. Н. Толстой, состоит в освобождении так называемых образованных людей от этого труда и в пользовании, «без всякой взаимности», трудом бедных. Толстой писал: «Никогда не повсюду искренности христианских, философских и гуманитарных убеждений человека, который заставляет служанку выносить его ночной горшок. Самое простое и самое короткое нравственное правило состоит в том,

чтобы как можно больше самому служить другим. Требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше» [14, с. 497-498].

Природа умственного труда композитора, писателя, ученого такова, что для того, чтобы плоды этого труда дошли до тех, для кого они предназначены, требуется немалое количество помощников (музыкантов, наборщиков, лаборантов и т.д.) В итоге – делал вывод Л. Н. Толстой, – польза от них может оказаться весьма сомнительной. «А между тем, нас окружает масса дел, польза от исполнения которых несомненна и которые всякий искренний человек не может не предпочесть тем сомнительным занятиям, о которых в нашем мире проповедают как о самом возвышенном и самом благородном человеческом призвании» [Там же, с. 498].

Л. Н. Толстой подверг острой критике в своих произведениях этого периода («Воскресенье», «Смерть Ивана Ильича», «Плоды просвещения», «Власть тьмы», «Так что же нам делать?») господствующие классы, вскрывал противоречия и пороки современного ему буржуазного строя, «срывал маски» с учреждений, на которых, по его мнению, этот строй держится: церкви, суда, милитаризма, законного брака, буржуазной науки.

Л. Н. Толстой выдвинул идею нравственной революции на основе свободного самоулучшения личности (трактат «Царство Божие вокруг нас»). Его непосредственная деятельность носит в этот период форму бесед с детьми на этические темы. Он по-прежнему поддерживает Яснополянскую школу, встречается с детьми.

Продолжается его обширная переписка. Только в полное собрание сочинений включено свыше десяти тысяч писем. В письме к Александру Ивановичу Дворянскому, студенту, исключенному из университета и взявшемуся за обучение 12-летнего мальчика, Толстой высказывает свое отношение к «религиозной лжи, которая окружает нас». С негодованием пишет он о том, что, «обучая детей так называемому Закону Божию», мы совершаем страшное преступление. Правящим классам нужен этот обман, с ним неразрывно связана их власть, и поэтому они всегда стоят за то, чтобы этот обман производился над детьми [12, с. 513].

Педагогическое наследие Л. Н. Толстого велико и многосторонне. Он подробно рассматривал вопросы сущности и важности народного образования, выдвигал свои предложения по поводу переустройства системы просвещения народа, анализировал философские и эстетические аспекты воспитания и образования («О жизни», «Что такое искусство?»), стремился решать общепедагогические проблемы («О задачах педагогики»). Л. Н. Толстой бичевал старую школу, возмущался господствовавшими в этой школе формализмом и муштрой, подверг острой критике немецкую педагогику и школу, протестовал против перенесения в Россию немецких школьных уставов и чиновничьей опеки над народной школой. Он стремился создать оригинальную национальную педагогику, соответствовавшую национальным традициям русского народа. В педагогических воззрениях Л. Н. Толстого главное место занимали доброта и любовь к ребенку, уважение к его личности, умение пробуждать его творчество. Можно с разных позиций оценивать педагогическое наследие Толстого, соглашаться и не соглашаться с его позицией по тем или иным вопросам. Однако нельзя не признать, что педагогическое наследие великого гуманиста по праву называют сокровищницей мирового значения.

Список источников

1. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 656 с.
2. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики: учебник для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1982. 448 с.
3. Помелов В. Б. Российская педагогика в лицах: монография. Саарбрюккен: LAP, 2012. 612 с.
4. Помелов В. Б. Российские педагоги второй половины XIX – начала XX вв.: монография. Киров: Изд-во ВятГПУ, 2000. 220 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. 656 с.
6. Толстой Л. Н. Воспитание и образование // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 205-232.
7. Толстой Л. Н. Дневник Яснополянской школы за 1862 г. // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 201-205.
8. Толстой Л. Н. Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М., 1989. С. 271-289.
9. Толстой Л. Н. О народном образовании // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М., 1989. С. 292-339.
10. Толстой Л. Н. О свободном возникновении и развитии школ в народе // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 89-104.
11. Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 481-484.
12. Толстой Л. Н. Письмо А. И. Дворянскому // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 512-514.
13. Толстой Л. Н. Письмо неизвестному о немецких школах // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 49-51.
14. Толстой Л. Н. Письмо Ромену Роллану // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 497-503.
15. Толстой Л. Н. Письмо С. А. Рачинскому // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989.
16. Толстой Л. Н. Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения / сост. Н. В. Вейкшан. М.: Педагогика, 1989. С. 134-200.

**L. N. TOLSTOY: “CHILDREN LOOK AT THE TEACHER NOT AS THE MIND, BUT AS A PERSON”
(TO THE 190TH ANNIVERSARY OF THE GREAT WRITER AND TEACHER)**

Pomelov Vladimir Borisovich, Doctor in Pedagogy, Professor
Vyatka State University, Kirov
vladimirpomelov@mail.ru

The article characterizes the pedagogical views of the great Russian thinker, writer and public figure L. N. Tolstoy (1828-1910). The main stages of his pedagogical activity are singled out. Leo Tolstoy's contribution to the opening of schools in Krapivensky Uyezd is shown. His views as a supporter of the theory of free education are analyzed. The author traces the genetic connection between the pedagogical positions of L. N. Tolstoy and outstanding European and Russian teachers. The paper gives the description of the work of the school that was opened by him in the village of Yasnaya Polyana. Excerpts from L. N. Tolstoy's correspondence with different people are presented.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; Yasnaya Polyana school; “Azбука” (“A Primer”); S. A. Rachinsky; Romain Rolland; people's education.

УДК 3.37.378

Дата поступления рукописи: 13.05.2018

<https://doi.org/10.30853/pedagogy.2018-2.8>

Статья посвящена раскрытию фактов биографии известного русского педагога Петра Григорьевича Редкина (1808-1891). Показан вклад Редкина в отечественную педагогику, в особенности в область методологии. Особое внимание уделено тому факту, что учеником П. Г. Редкина был, будучи студентом Московского университета, будущий великий русский педагог К. Д. Ушинский. В статье дается анализ некоторых педагогических произведений П. Г. Редкина. Высказывается утверждение, что труды П. Г. Редкина и по настоящее время сохраняют свою актуальность и нуждаются в дальнейшем анализе.

Ключевые слова и фразы: П. Г. Редкин; К. Д. Ушинский; Нежинский лицей; Московский университет; первое русское педагогическое общество; Фрёбелевское общество.

Помелов Владимир Борисович, д. пед. н., профессор
Вятский государственный университет, г. Киров
vladimirpomelov@mail.ru

**П. Г. РЕДКИН: ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, НО ЗАБЫТЫЙ ПЕДАГОГ
(К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

П. Г. Редкин

Имя Петра Григорьевича Редкина выпало из поля зрения современных историков педагогики. О нем редко упоминают в разного рода антологиях [1] и монографиях [3], а труды, если и издаются, то исключительно в отрывках [6; 7]. В последний раз статьи Редкина издавались в 1958 г. в виде однотомника. Это издание содержало и краткий очерк жизни и деятельности педагога [8]. И это, практически, всё. Между тем это ученый, по существу, заложивший теоретические основы отечественной педагогики. Он создал и на протяжении многих лет возглавлял первое в России педагогическое общество, *рядовым членом* которого был К. Д. Ушинский.

Сам «учитель русских учителей» Ушинский был учеником Редкина по университету, а впоследствии стал соратником, сохранив на всю жизнь благоговейное отношение к своему университетскому профессору. П. Г. Редкин на два десятилетия пережил своего гениального ученика. Вклад Петра Григорьевича в становление